

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 30-летию археологического изучения
Новгородского Рюрикова Городища
и Новгородской областной археологической экспедиции*

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Материалы международной научной конференции
4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2007

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ И ТИМЕРЕВО: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ СКВОЗЬ ДАННЫЕ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Валерий Н. Седых

Государственный университет. Санкт-Петербург. Россия

RYURIK GORODISHCHE AND TIMEROVO: THEIR COMMON AND PECULIAR ACCORDING TO THE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE

Valery N. Sedykh

State University. St.-Petersburg. Russia

ABSTRACT: *In this paper a comparative analysis of the material of Gorodishche and Timerovo near Yaroslavl is proposed. Their excavations were started almost simultaneously in 1970s. These proto-urban centres were once called open trade and manufacturing settlements which were the cradle of many cultural and political processes in ancient Russia. The advances in their studies are on the whole comparable. Although the two settlements arose practically synchronously in the mid-9th century, Timerovo is not mentioned in any written sources. Possibly though, its region is described in some writings of the Arabian authors. Nevertheless, in Timerovo a complete archaeological complex is represented including not only the settlement-site but also the burial ground unknown at Gorodishche. While a defensive bank has been found at Gorodishche, in Timerovo a very strong encircling stockade has been uncovered. The two sites are similar in the Scandinavian component of their material culture, however the foreign-trade activities reflected in the hoards discovered seem to have been more considerable in Timerovo. In addition, the two sites are paralleled by finds of eggshell fibulae which are fairly uncommon in trade and administrative centres. Furthermore, in both cases, certain parts of men's costume rare even in Scandinavia have been uncovered. Similarity has been recorded also in the type of house construction at these settlements. As to the differences, noteworthy is the greater orientation of Timerovo to the oriental trade.*

Семидесятые годы XX столетия – время возобновления археологических исследований известных памятников начальной поры русской истории, как непосредственно на них, так и в их окрестностях. Именно в этот период начинаются планомерные работы в Старой Ладогe, как на Земляном городище (Рябинин, 1974. С. 29), так в каменной крепости и на посаде (Киртичников, 1973б. С. 17–18; 2003. С. 36–45; Петренко и др., 1973. С. 35–36; Средневековая Ладога, 1985); на Сарском (Леонтьев, 1973. С. 73; 1996) и Рюриковом (Носов, 1976. С. 31–32; 1990) городищах; открывается поселение близ одного из ярославских могильников – Тимереvского (Дубов, 1973. С. 63; 1982); в Гнездове проводятся параллельные раскопки курганов и поселений, первые широкие исследования которых были осуществлены И. И. Ляпушкиным (Ляпушкин, 1968. С. 43–44; 1969. С. 66–67; Авдусин, 1971. С. 78–79; Авдусин, Асташова, Пушкина, 1972. С. 100–101; Пушкина, 2001. С. 4–11). В этот период

формируется и обсуждается концепция «восточно-европейских вигов» – открытых торгово-ремесленных поселений (ОТРП). К числу последних относятся археологические памятники, расположенные вблизи древнейших русских городов, – Рюриково и Сарское городища, Гнездово, Тимерево, Шестовицы и др. (Jankuhn, 1971; Булкин, Лебедев, 1974. С. 11–17). Ряд общих специфических признаков выделяет их из числа синхронных памятников, и дает основания считать их протогородскими центрами¹.

Археологические данные свидетельствуют, что указанные протогорода либо предшествуют древнерусским городам, либо сосуществуют с ними на начальных этапах истории последних. В ряде случаев есть основания считать протогородские центры упомянутыми в летописи городами IX в. – Гнездово и Рюриково городище – Смоленском и Новгородом соответственно (Алексеев, 1980. С. 135–154; Носов, 1990. С. 170–205). Соотноше-

¹ В литературе существует несколько терминов, отражающих суть рассматриваемого явления, – «протогородские центры», «предгородские центры», «эмбрион города», «вики», «прибрежные торговые фактории» и др.

нию таких раннегородских центров и собственно городов посвящены специальные работы (*Ляпушкин*, 1971. С. 33–37; *Носов*, 1990; *Смоленск и Гнездово*, 1991; *Андрощук*, 1995. С. 118–120). Сравнительный анализ некоторых протогородских центров Руси и Скандинавии также получил свое отражение в научной литературе (*Булкин, Дубов*, 1978. С. 16–20; *Седых*, 1997. С. 142–144; *Янссон*, 1999. С. 18–38). Большинство из перечисленных выше памятников, кроме того, рассматривается в контексте активно дискутируемой проблемы «переноса города» (*Мавродин*, 1971. С. 51–52; *Петрухин, Пушкина*, 1979. С. 100–112; *Дубов*, 1983. С. 70–82).

Определенного интереса заслуживает сравнение материалов Рюрикова городища и Тимерева. Оба центра были связаны с транзитными военно-торговыми коммуникациями Восточной Европы, пережили расцвет в X столетии, очевидно, в середине века, и уступили место раннефеодальным городским образованиям – Новгороду и Ярославлю. При этом в материалах этих памятников есть черты как сходства, так и различия.

Материалы раскопок обоих памятников активно привлекаются при рассмотрении проблем освоения лесной полосы Восточной Европы славянским населением, образования древнерусского города, участия в этих процессах местного финно-угорского и пришлого населения из Фенноскандии, роли этих центров в международной торговле и в становлении государственности и народности на территории Северной Руси. Следует отметить, что в некоторых случаях материалы Рюрикова городища сравниваются с материалами Тимеревского археологического комплекса в целом, то есть с материалами из могильника и поселения, что оговаривается особо.

Степень исследованности памятников вполне сопоставима, учитывая разницу в мощности культурных отложений и отсутствие по-гребальных древностей в структуре комплекса Рюрикова городища: Городище планомерно исследуется около тридцати лет, а раскопки Тимеревского селища велись в течение двенадцати сезонов.

Исторические данные. Начиная с 1103 г., сведения о Городище как резиденции новгородских князей и важнейшем центре политической жизни Новгорода периодически появляются на страницах летописей и русских хронографов вплоть до XVIII столетия. Возможно, именно Рюриково городище скрывается в этих поздних памятниках под наименованием *Словенска*. В историко-краеведческой литературе с начала XIX в. Городище именуется Рюриково городище.

Сведений о раннесредневековом поселении под Ярославлем в отечественных письменных источниках нет. В недошедших до нас источниках, согласно В. Н. Татищеву, указывается дата – 1010 г., которая принята сейчас как официально-условная дата основания города Ярославля (*Дубов*, 1982. С. 77). Сам город впервые упоминается лишь в 1071 г. в связи с восстанием смердов в Ростово-Суздальской земле, начальным пунктом движения которых назван Ярославль. Вместе с тем, предпринятое И. В. Дубовым исследование корреляции археологических данных с восточными (арабскими) письменными источниками дало возможность обоснованно утверждать, что в районах Северо-Восточной Руси (район Ростова Великого, Ярославля, Переславля-Залесского) вполне могла располагаться загадочная Артаня – Арса IX–X вв., одним из центров которой в то время было нынешнее Тимерево (*Новосельцев*, 1965. С. 419; *Дубов*, 1982. С. 104–123; *Мачинский*, 1982. С. 22).

Археологические данные. В начале скажем несколько слов о структуре комплексов. В Тимереве присутствуют почти все виды характерных для Древней Руси археологических памятников – селище, курганный могильник в пятьсот документированных насыпей с различными вариантами обряда, три крупных клада арабских монет IX в. На Городище под Новгородом в состав комплекса входит укрепленное поселение и три клада монет IX–X вв. Здесь необходимо отметить, что, по оценкам исследователей, площадь поселений в IX столетии была приблизительно одинаковой: 1–1,2 га на Городище, где она была ограничена «древним рвом и, вероятно, валом» (*Носов*, 1990. С. 12, 152–153) и 1 га в Тимерево, где она была огорожена мощным тыном, прослеженным на протяжении нескольких десятков метров (*Дубов*, 1982. С. 165, 185–186).

Оба памятника возникли в IX в.: середина столетия – дата возникновения Городища, третья четверть (60-е гг.) IX в. – Тимерева (*Носов*, 1990. С. 148; *Седых*, 1998. С. 22–23). И в том, и в другом случаях эти даты основываются на хронологии монетных кладов. Но если на Городище клады («кладки», по Е. Н. Носову – В. С.) содержат лишь по несколько экземпляров монет или их обломков, то в Тимерево они исчисляются тысячами, что, на мой взгляд, находит свое объяснение. Возникновение обоих центров можно связать с активизацией деятельности скандинавов в Восточной Европе в этот период времени.

Присутствие скандинавов на обоих памятниках хорошо документировано находками изделий северного круга древностей. Это: многочисленные

предметы вооружения, прежде всего ланцетовидные наконечники стрел; бутероли ножен мечей с изображением хищной птицы; детали поясных наборов; разнообразие украшений; предметы быта – костяные составные орнаментированные односторонние гребни, в том числе, возможно, изготовленные на месте; ножи; так называемые футляры для фитиля; торговый инвентарь и др. Особо следует отметить находки дисков-грузил от вертикального ткацкого станка, исчисляемые на памятниках десятками (Носов, 1990. С. 110, 132–133; Дубов, 1982. С. 124–187. Рис. 18). Принадлежность данной категории находок к предметам рассматриваемого круга древностей несомненна (Седых, 1995. С. 56–61).

Сближают памятники и находки гривен и их фрагментов с привесками в виде молоточков Тора, как свидетельство непосредственного проживания выходцев с севера на поселениях (Дубов, 1982. Рис. 28, 12; Носов, 1990. С. 125. Рис. 46; Седых, 2001а. Рис. 8). И на Городище, и в Тимерево обнаружены предметы с руническими надписями. На Городище это две рунические подвески с заклипаниями и шиферное пряслице с руноподобными знаками (Носов, 1990. Рис. 47 и 63), в Тимерево – рунические граффити на монетах двух кладов, в том числе надпись «боги» (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991; Мельникова, 2001. С. 126–129).

Среди предметов, так или иначе связанных с культурой Балтийского региона, укажу на находки в материалах обоих памятников шашек и оковок игральные деревянные доски (например, курганы № 100 и 277 Тимерева), бронзовых слитков и глиняных формочек, томаров и многого другого. Оба центра связывают многочисленные находки бус – стеклянных, каменных (горный хрусталь, сердолик, реже аметист) и янтарных. По количеству найденных стеклянных бус Тимерево, безусловно, значительно уступает Городищу, что, только отчасти, может объясняться применяемой в 1970-е гг. методикой раскопок без промывки или просеивания.

Рюриково городище и Тимерево сближают редкие даже для торгово-ремесленных и военно-административных центров категории находок. Это, прежде всего, предметы североевропейского происхождения, в частности, женские фибулы. В материалах памятников обнаружены равноплечные фибулы (тип 58 по Я. Петерсену), датируемые в Бирке и в Западной Швеции, главным образом, в пределах IX в. (Янссон, 1999. С. 24). В Тимерево такая фибула обнаружена в комплексе кургана № 75 (кремация на стороне, IX в.), на Городище –

в культурном слое и подъемном материале памятника (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 79; Носов, 1990. С. 121, 159). Достаточно редки для территории Руси находки скорлупообразных фибул (тип 37, вариант 11 по Я. Петерсену). На Городище такая фибула была найдена в заполнении комплекса № 52 центрального раскопа, датируемого второй половиной IX в. (Носов, 1990. С. 107, 159). В Тимерево фибулы этого типа были встречены в количестве пяти экземпляров в комплексах курганов № 53, 95 и раскопок 1990 г., датируемых этим же временем (Седых, 1998. С. 23; 2001а. Рис. 4).

В шести комплексах Тимеревского могильника (курганы № 79, 83, 85, 245-II, 269 и 277) и в слое поселения известны находки кольцевидных фибул с длинными иглами или их фрагментов (Фехнер, 1963а. С. 83; Фехнер, Недошивина, 1987. С. 79; Дубов, 1982. Рис. 40, 15), которые аналогичны найденным на Городище, в том числе и в сезоне 2005 г. (Янссон, 1999. С. 27–28; Носов, Горюнова, Плохов, 2005. Табл. 29, 10).

Редкими даже для территории Скандинавии являются находки бронзовых крючков – деталей мужского скандинавского костюма со стилизованными изображениями звериной морды или птицы, при помощи которых крепились подвязки. Пара таких крючков в виде птиц была найдена в комплексе второй половины X в. кургана № 383 Тимерева, где было зафиксировано трупосожжение на месте сооружения кургана на кострище треугольной формы (Фехнер, 1963б. Рис. 7, 3). На Городище известно уже несколько экземпляров таких изделий, которые, очевидно, могли использоваться в каком-то ином качестве (Носов, 1990. С. 160–162; Янссон, 1999. С. 29–30; Носов, Горюнова, Плохов, 2005. Табл. 29, б).

Еще одной редкой находкой в раннегородских центрах является бронзовая накладка, очевидно, от конской сбруи, украшенная орнаментом в стиле Борре с изображением стилизованной звериной морды, обнаруженная на Центральном раскопе Городища (Носов, 1990. Рис. 48, 2). Близкие накладки были найдены как на Тимеревском поселении (Дубов, 1982. Рис. 13, 13), так и в комплексе распаханного кургана некрополя (Дубов, 1982. Рис. 6, 9).

И, наконец, в материалах Городища встречены фрагменты лепной посуды формы, характерной для Скандинавии эпохи викингов (Носов, Янссон, 1997. С. 54; Янссон, 1999. С. 37; Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 80. Табл. 58, 3–5). Отличительной особенностью выявленных на древнерусских материалах скандинавских керамических сосудов является загнутый внутрь округлый венчик. Эти

сосуды соответствуют группе керамики местного производства (*einheimische Keramik*), найденной на территории Швеции (тип А IV, по Д. Селлинг). Эта группа местной керамики имеет наибольшее распространение в период с четвертой четверти IX столетия до 1000 г. Этим же временем эта керамика датируется на территории Древней Руси, где она крайне немногочисленна. Сосуды этого типа обнаружены в Тимерево, Гнездово, Старой Ладого, на Сарском городище, в курганах юго-восточного Приладожья и Переяславского Ополя (*Седых, 2001б*).

Из городищенских находок, характеризующих иной этнокультурный регион, отмечу костяную орнаментированную рукоять для шильев (*Носов и др., 2001. С. 11*). Этот так называемый «походный вариант» рукоятей, который мог быть использован в условиях охоты или военного предприятия, известен в материалах Прикамья и других финно-угорских территорий. В Тимерево роговая рукоять Т-образной формы со сквозным отверстием входит в выделенный своеобразный «прикамский комплекс» памятника, состоящий из костяных односторонних фигурных орнаментированных гребней с высокой спинкой, орнаментированных копоушек (уховерток), кресал с бронзовыми ажурными рукоятями и своеобразной по форме, орнаментации и технологии изготовления керамики (*Седых, Макарова, 2001. С. 98*).

Из других черт сходства необходимо указать традиции домостроительства, зафиксированные при раскопках обоих памятников. Жилые дома, очевидно, были представлены наземными срубными постройками с углубленными частями. В Тимерево интерпретация остатков построек весьма затруднена состоянием сохранности деревянных конструкций и слоя в целом. Можно предполагать

наличие отдельных усадеб – гнезд построек различного назначения – на памятниках в ранний период. Сходство в застройке городищенского холма и Тимеревского селища отмечал Е. Н. Носов в своей монографии (*Носов, 1990. С. 114*).

Независимо от первоначальных целей основателей Тимерева, в нем получили развитие ремесла и торговля, и его связь с Волжско-Балтийским путем несомненна. Об этом свидетельствуют находки предметов импорта и роскоши из Византии, Скандинавии и стран Востока. Наряду с этнической неоднородностью, на обоих памятниках фиксируются резкие социальные различия. Специальное исследование Н. Г. Недошивиной показало, что «военная традиция и социальный состав населения Тимерева оставался в целом неизменным на протяжении X–начала XI вв.» – более 10% в нем составляла воинская прослойка (*Недошивина, 1991. С. 174*). Аналогичную картину дают и материалы Городища. В этом отношении важны находки золота на обоих памятниках в комплексах X столетия. В Тимерево, кроме массивного перстня из комплекса кургана № 100, по весу равного византийской номизме, в комплексах могильника и поселения известны золотая фольга, тончайшие золотые нити, иногда представляющие собой орнамент в виде сложной плетенки и пр., аналогичные обнаруженным на северном берегу Сиверсова канала (*Носов, 1990. С. 80*). Эти находки являются свидетельством высокого социального уровня части населения рассматриваемых центров.

В целом, историко-информационные возможности Рюрикова городища и Тимерева далеко не исчерпаны. Следует ожидать новых открытий и находок, причем, как мне представляется, не только в поле, но и в музейных собраниях.